

Он срыгнул после сытного молока, а затем зевнул и, ухватившись крошечной ручкой за уголок одеяла, приготовился вздремнуть. Но именно в этот момент вошла другая старуха в сопровождении двух служанок; в руках они несли семечки, арахис, чашки с чаем и прочее. Юшу мысленно вздохнул, понимая: они собираются устроить посиделки за чаем, и поспать после обеда ему не удастся.

— Слышно было его плач еще издалека. Надо же, худой как обезьянка, при рождении и трех цзиней не весил, а кричит-то как заливается! — с усмешкой поддразнила старуха.

— Откуда мне знать? — приподняв брови, отозвалась кормилица. — Должно быть, жизнь у него никчемная. А у дешевого отродья кости крепкие, живучие они, только и умеют, что хлопоты доставлять.

Две юные служанки, судя по всему, были новенькими и не смели судачить о хозяевах. Они потянули кормилицу за рукав и тихонько напомнили:

— Матушка Ван, не надо так говорить, все-таки он законнорожденный Чжао Юцай семьи Ван...

«Надо же, я, оказывается, законнорожденный», — Юшу немного удивился, услышав это, но лицо его по-прежнему оставалось безучастным и застывшим. Объем его мозга был слишком велик, и внешние действия часто не поспевали за скоростью мысли. Со временем это превратило его лицо в подобие неподвижной маски, да и реакция у него была до крайности заторможенной — в любом деле он отставал от окружающих на шаг.

— Тьфу, какой еще законнорожденный? Обычный призрак-кредитор, да и только! — Кормилица потеряла искусанный до боли сосок и, скривив рот, добавила: — Предупреждаю вас по-хорошему: у кого есть связи — поскорее ищите способ выбраться из этого двора Пэнхао. Здесь ловить нечего. Пару дней назад я попросила у старого Чжао с кухни бутылочку перечного масла. Вот намажу им соски, пусть этот щенок хлебнет остроты. А как испугается да откажется от груди, я сразу доложу старшему управляющему Вану, чтобы перевел меня во двор второго молодого господина. Тому сейчас всего три месяца от роду, самое время пить молоко.

— Да брось ты. Хоть второй молодой господин и рожден наложницей, наложница Линь сейчас в фаворе. Вокруг него крутится больше десятка слуг, одних только кормилиц четыре штуки. С чего бы им выбрать тебя? — Старуха сплюнула шелуху от семечек и всплеснула руками. — А вот идея с перечным маслом и правда хороша, так ты точно избавишься от этой проклятой работы.

Любопытство так и подмывало двух молодых служанок. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что чужих ушей нет, они шепотом спросили:

— Госпожа пользуется большим уважением у Господина, и в плане его расположения ничуть не уступает наложнице Линь. Старый господин и старая госпожа часто хвалят ее как добродетельную супругу, приносящую процветание дому. К тому же это первый ребенок, да еще и законный первенец. Почему же его так невзлюбили? Ему уже четыре месяца, а о нем даже не справляются, словно Чжао Юцай вовсе не существует. Ладно бы у Чжао Юцай был какой-то скрытый недуг, но ведь с виду он совершенно нормальный.

Служанки озвучили вопрос, который занимал и самого Юшу. Собравшийся было спать младенец мгновенно очнулся и наострил уши. Он хотел жить тихой и спокойной жизнью, но прежде ему требовалось разобраться в собственном положении.

Кормилица была потомственной служанкой в этом доме, но недавно повздорила со слугой из приданого старой госпожи, за что ее и сослали во двор Пэнхао. Связей у нее хватало, а потому и знала она немало. Увидев любопытные взгляды служанок, она не удержалась от желания посплетничать. Прикрыв дверь в комнату, она тихо произнесла:

— А ведь и правда, у Чжао Юцяя действительно есть скрытый недуг!

«Недуг? Почему я об этом не знаю?» — Юшу обомлел. Его крохотные ручки принялись ощупывать собственное тело: зрение в порядке, слух в порядке, интеллект в норме, руки и ноги на месте. С чего они взяли, что у него какой-то недуг? Может, болезнь внутренних органов? Врожденный порок сердца или пневмония новорожденных? Но почему тогда нет ни малейшего недомогания?

Его сверхразвитый мозг со скоростью света принялся анализировать информацию, перебирая все врожденные заболевания, их симптомы и способы лечения. Из-за обилия хлынувших в голову сложных научных знаний выражение изумления промелькнуло на его лице лишь на мгновение, после чего сменилось прежней глуповатой отрешенностью.

Девушки покосились на младенца в колыбели и, нахмурившись, спросили:

— Неужели Чжао Юцай — дурачок?

Юшу все еще размышлял над лечением врожденного порока сердца, поэтому пропустил их слова мимо ушей. Впрочем, даже услышь он их, ему было бы все равно. Он от природы отличался крайним равнодушием и, кроме сытной еды, крепкого сна и стремления выжить, не испытывал привязанности ни к чему на свете. А как к нему относятся окружающие — любят его или ненавидят — его совершенно не волновало.

— Похоже на то, — согласилась кормилица, тоже заглянув в колыбель, но тут же покачала головой: — Только это пустяки. Умен Чжао Юцай или глуп, Господина это не волнует. Все дело в его судьбе.

«Моя судьба? Неужели я звезда вселенского одиночества?» — Юшу быстро переключился с болезней на воспоминания о триграммах Багуа, гадании Люяо, нумерологии, инь-ян и прочих глубинах оккультных наук, отчего его и без того застывшее лицо показалось еще более отрешенным.

— Неужели Чжао Юцай — звезда вселенского одиночества? — старуха подумала о том же, о чем и Юшу.

— Да нет, не это, — кормилица поманила их рукой, заставляя склонить головы ближе, и зашептала: — Тут целая история. Говорят, в день рождения Чжао Юцяя Господину приснился сон, будто к нему явился бывший сослуживец и заявил, что Господин задолжал ему сорок лянов серебра, и теперь он пришел потребовать долг. Стоило Господину проснуться, как родился Чжао Юцай. А ведь тот сослуживец умер еще пять лет назад! Из-за этого Господин твердо уверился, что Чжао Юцай — это перерождение покойного коллеги, который явился взыскать долг. Вот Господин и невзлюбил Чжао Юцяя, обзывая его не иначе как призраком-кредитором. Он даже отдал Госпоже сорок лянов серебра и велел, чтобы все расходы на еду и одежду Чжао Юцяя вычитались строго из этой суммы. Как только деньги закончатся, Чжао Юцай должен будет уйти, ведь он изначально не принадлежал к семье Ван.

— Неужели такое возможно? — у двух молодых служанок мурашки побежали по коже. Взглянув теперь на лицо Юшу, они нашли его довольно пугающим.

Юшу лежал с глуповатым видом, никак не ожидая подобной подоплеки. Он ведь Юшу, с какой стати он стал сослуживцем, явившимся за долгом? Эта семья вовсе не была должна ему денег! К тому же на сколько хватит сорока лянов серебра? Неужели его и вправду вышвырнут из дома, когда деньги закончатся? Его мысли быстро переключились с кармического предопределения на уровень цен в разные исторические эпохи, и он невольно затрепетал перед лицом грядущего.

— Госпожа из-за этого плакала несколько ночей напролет. Опасаясь привязаться к Чжао Юцяю, она отослала его подальше во двор Пэнхао, с глаз долой — из сердца вон. Но судьба сыграла с ней злую шутку: месяц спустя наложница Линь родила второго молодого господина. В момент его рождения повсюду зазвучала музыка, загремели колокола и барабаны, а небо озарилось лучами заката — это сочли благословением свыше. Разве это не выставило Чжао Юцяя, этого призрака-кредитора, в еще более неприглядном свете? Теперь второй молодой господин — любимое детище Господина, а Чжао Юцай — вестник несчастий. Наш двор Пэнхао захудалее любой деревенской усадьбы. — На лице кормилицы отразилось уныние, ей безумно хотелось уйти отсюда сию же минуту.

— Сорок лянов серебра — на сколько же их хватит? А как же наше ежемесячное жалованье? А награда? Неужели и наградных нам не видать? — служанка едва не расплакалась. Жизнь в богатом поместье явно оказалась не такой сказочной, как она себе представляла.

В голове Юшу замелькали вереницы цифр. Подсчитав примерные расходы на основе цен прошлых эпох, он пришел к выводу, что обычно десяти лянов серебра хватает простой семье на срок от полутора до двух лет. Он живет один, и по логике этих денег должно было хватить на более долгий срок. Однако семья Ван была богатой, и расходы здесь в разы превышали траты обычных людей. Даже при самой жесткой экономии сорока лянов хватит максимум года на четыре или пять.

«А когда через четыре-пять лет серебро иссякнет, семья Ван действительно выставит меня вон? Все-таки я их родная кровь, неужели они совсем лишены родительских чувств?» Впрочем, люди в древности отличались крайним суеверием, и Юшу не смел полагаться на столь ненадежные вещи. Он хотел выжить, поэтому планировать будущее нужно было уже сейчас. Для начала следовало составить подробную смету расходов на эти сорок лянов.

— Наше жалованье сюда не входит. Говорят, эти сорок лянов можно тратить только на Чжао Юцяя — на его еду, одежду и обиход, — с издевкой фыркнула кормилица. — Размечталась о наградах! Будешь теперь питаться ветром с Северо-Запада!

Услышав столь ошеломляющие новости, старуха и две молодые служанки испугались и пали духом. Желание чаевничать и болтать у них мигом пропало. Под разными предлогами они покинули комнату и с тех пор все реже заходили к Чжао Юцяю. Кормилица вдруг почувствовала, как над ее головой пронесся ледяной сквозняк. Она поежилась, обхватив себя руками, и в панике бросилась вон.

В комнате воцарилась тишина. Юшу сохранил смету расходов в своей памяти, хотя ее практическое применение еще предстояло скорректировать с учетом реальных цен. Как бы то ни было, ему необходимо продержаться на эти сорок лянов серебра до совершеннолетия, ну или хотя бы до тех пор, пока ему не исполнится двенадцать-тринадцать лет.